

Наполеон (Цезарь) - Гексли (Стратиевская)

1. Гексли — Цезарь. Взаимодействие двух упрямых экстравертов – эмотивистов

— *А какой пример у вас заготовлен для этой диады? Тоже какие - нибудь “отцы и дети”?*

— Точнее, “дочки-матери”. Мать — Гексли, дочка — Цезарь. (Очень энергичная, разносторонне одарённая девушка.) К 27-ми годам попробовала себя в разных областях искусства: в музыке, (в вокале) и в живописи. Несколько лет жила и училась за границей. Сама зарабатывала себе на обучение. Цель жизни: добиться успеха, максимально реализовать себя творчески.

— *И у неё возникли какие - то проблемы во взаимоотношениях с матерью?*

— Проблемы возникали в детстве. Именно поэтому она очень рано ушла из дома и стала жить самостоятельно. Вот как она сама об этом говорит:

“Мама меня никогда не понимала. Мне кажется, она мне даже завидовала. Когда ко мне приходили мальчики, она всегда старалась привлечь их внимание к себе. Кокетничала с ними и выглядела нелепо. Я всё думала, неужели она этого не замечает? Как - то странно она себя с ними вела... Мне это было неприятно...

И потом, она всё время меня как - то стесняла, “перебегала мне дорогу”, мешала мне успешно реализовать себя в творчестве, мешала мне в себя поверить... Говорила, что у меня то не получится, это... Я только и слышала от неё: “Почему ты не можешь...”, да “Как ты не можешь...” А я, если захочу, я всё смогу! Я и из дома ушла, чтобы ей это доказать! И у меня всё получается! У меня и выставка была, у меня и вокальные успехи... У меня получается всё, что я захочу! И я не думаю, что я слишком многого хочу. Я хочу сделать что - то очень значительное в жизни, хочу добиться успеха. А живя с ней, я бы ничего не добилась. Мне было тесно там, мне было душно!.. ...Мне многое не нравилось в том, как был устроен наш быт. Мне не нравилось, как был обставлен наш дом, мне хотелось переделать всё по-своему. Я люблю, чтобы было светло, просторно... А у неё вечно всё заставлено, завалено, захламлено. Я пытаюсь что-то убрать, а она меня ругает: “Кто тебе дал право распоряжаться моими вещами?! Это мои вещи, их ещё можно было использовать! Как ты посмела это выбросить!” Её послушать, так я вообще ни на что не имею права...

...И ещё мне не нравилось, как она готовит: так, словно хотела превратить процесс еды в наказание. Вечно постное, пресное. Даже на специях сэкономила. Готовила всё какую - то больничную еду и скармливала нам, говорила: “Ешьте, это полезно!” Я не могла этого есть! Ну, и приходилось на всех готовить самой. Так ведь это сколько времени занимает! А теперь я сама себе хозяйка, сама всё за себя решаю, сама всего добиваюсь... Я пока только не решила, в чём мне себя искать. Не могу остановиться на

чём - то одном. Я даже не знаю, в каком жанре мне петь. Не знаю, к чему себя готовить. Для оперы у меня пока ещё техника слабовата, для рок - музыки — возраст не тот. Не знаю, может мне в джаз пойти?.. На всякий случай я пробую себя и там, и там. Учусь и тому, и этому... При ней я уже давно не пою. И на отчётные концерты я её не приглашаю, потому что она меня унижает, старается подавить во мне веру в себя. Ничего не понимает в музыке, а дурацкие вопросы задаёт. Вечно ко всему придирается. То спрашивает: "А что это у тебя голос дрожал? Это так и надо?" Я ей объясняю: "Это обычная вибрация голоса, естественное колебание звука...". А она опять: "Это так и надо, чтобы голос дребезжал?". А я ей опять: "Ну ты выбирай выражения! Что значит "голос дребезжал"?!.. Я ещё молодая, у меня ничего не дребезжит!" Сами понимаете, после таких слов трудно выходить на сцену..."

— Ну, как видим, у этой девушки далеко не всё получается...

— И не только потому, что она пытается совместить несовместимое, а потому что ей явно недостаёт подсказки по интуитивным аспектам... Ей много недостаёт. Но давайте рассмотрим всё по порядку.

2. Цезарь — Гексли. Конкуренция методов реализации целей

Основная проблема — это, то что здесь взаимодействуют два очень эгоцентричных и эксцентричных экстраверта - статика. А при том, что они оба этики, между ними происходит очень сложная этическая игра, очень непростое взаимодействие, ставящее своей целью распределение сфер этического влияния. Каждый из них желает этически влиять на окружающих, причём сферу охвата всё время пытается расширять. Цезаря к этому подбивает его экспансивная ЭГО -программа — волевая сенсорика (+ч.с.1), Гексли — его интуитивная ЭГО - программа, — интуиция потенциальных возможностей (-ч.и.1). Претендуя на доминирование, Цезарь отвоёвывает у Гексли право контролировать их общее жизненное пространство: распоряжается его вещами, как своими, что- то выбрасывает, что - то переставляет, устанавливает в доме свои порядки, навязывает свои привычки и вкусы — то есть, устанавливает свой диктат по сенсорным программам, суггестирует Гексли по своему наблюдательному аспекту сенсорики ощущений: канал 7 — 5 (-б.с.7 → + б.с.5), навязывает свою волю (или, как минимум, рекомендации) по своему программному (и нормативному для Гексли) аспекту волевой сенсорики: канал 1— 3 (+ч.с.1 → - ч.с.3).

Гексли перехватывает у Цезаря возможности: комплексует, занижает самооценку, а вместе с ней и снижает деловую инициативу Цезаря — бьёт по квадратному комплексу "связанных рук", чем и мешает ему творчески реализовать себя.

Цезарю нужно покорить всех, Гексли хочет заинтересовать всех. Но при этом оба действуют теми же самыми манипулятивными этическими методами. Поскольку у обоих одинаковая реализационная функция — аспект этики отношений (±б.э.). (Уровень ЭГО, канал 2 — 2.) А, значит, и борьба приоритетов здесь также происходит по манипулятивным этическим функциям, которые у обоих партнёров находятся в мобильном блоке. По манипулятивным творческим аспектам партнёры оценивают друг друга, по ним и соперничают. (Вот и мама с дочкой тоже соперничали: в присутствии

гостей каждая из них хотела выглядеть самой успешной, самой обаятельной и привлекательной...)

— *А в отсутствие гостей?*

— А в отсутствие гостей их сферы влияния были широко разделены с тем, чтобы не мешать друг другу. Условия успешного взаимодействия в этой диаде в связи с этим предполагают несколько отдалённую дистанцию. А иначе партнёры будут слишком сильно теснить и подавлять друг друга.

3. Цезарь — Гексли. Взаимодействие аристократа с демократом

Отношения соподчинения, которые упрямый и амбициозный Гексли навязывает Цезарю, используя для этого все мнимые и реальные права и привилегии, усиливают конкуренцию на уровнях ЭГО и СУПЕРЭГО, по каналам 1 — 3, 3 — 1.

Так, в вышеописанном примере мать-Гексли, перехватывая сферу влияния у своей дочери-Цезаря, использовала, свои родительские привилегии и права. Девочка ведь не могла не пригласить на вечеринку маму, если бы та “случайно” не оказалась дома. А из этических соображений, с позиций собственной творческой этики отношений (-б.э.2) она не могла (не сочла бы этичным) и попросить маму на это время “сходить в кино”, заранее зная (по своей нормативной интуиции потенциальных возможностей (+ч.и.3), что у мамы найдётся миллион способов, причин и предлогов остаться дома. Упросить маму на время уйти из дома она тем более не может, — это значит идти на прямой конфликт, — тогда уже проще разъехаться. Вот и участвовала мама в дочкиных посиделках, и распугивала её друзей.

— *Зачем?!!*

— Да всё из тех же опасливых интуитивных соображений. По всей видимости она считала, что её дочка слишком рано начала встречаться с мальчиками, возможно боялась, что эти встречи отвлекают её девочку от занятий в школе, боялась, что всё это может плохо закончиться.

Гексли — негативист. Его программа — негативистская инволюционная интуиция возможностей (-ч.и.1). Гексли тоже частенько беспокоится, “как бы чего не вышло”, а кроме того, и в этических ситуациях великолепно ориентируется. Так что, все “хитрости” и “шалости” своей дочки мама просчитывала на сто шагов вперёд. А потому и “перебегала ей дорогу”. Причём, делала это не только из соображений биологической конкуренции (характерной для ориентированного на успех и успешность Гексли), не только из ревности к возможностям и творческому потенциалу своей дочки, из зависти к её молодости и красоте, но и из соображений осторожности, — её настораживало стремление дочки взять от жизни сразу всё и как можно больше, она опасалась этой неуёмности желаний. И, как мы теперь понимаем, — опасалась она не напрасно, потому что девочка во всех этих желаниях уже захлебывается. (Разбрасывается в творческом поиске, пытается совместить несовместимое). Хотя, с другой стороны, именно у Цезаря это и может получиться — служить сразу ста богам, сидеть “на двух стульях” и делать

одновременно три дела. И тут уже дочка удивляет маму своей напористостью, неиссякаемой энергией и невероятной работоспособностью. (Всё же каких - то успехов она добилась!) И тут уже мама пасует перед мощным дочкиным “Хочу!”, пасует перед её волевым напором, — то есть уступает ей по аспекту волевой сенсорики (нормативном у Гексли и программном у Цезаря). А с этой проблемой мама - Гексли наверняка сталкивалась чуть ли не с младенческого возраста её дочки. Своё мощное “хочу!” Цезарь умеет выражать и лёжа в люльке, и никому не позволит проигнорировать свои требования. Цезарь в любом возрасте умеет настаивать на выполнении его желаний. Растёт ребёнок, растут и потребности, (а у Цезаря они растут в геометрической прогрессии). Потому - то мама за дочку и беспокоилась, потому и “перебегала” ей все дороги, — её интуиция была единственным средством укротить эти непомерно возрастающие запросы. Отсюда и “можно — нельзя”, и “можешь — не можешь”, которые так раздражали нашу героиню.

4. Цезарь — Гексли взаимодействие двух иррационалов.

— Что же, они так и будут “доставать” друг друга по сенсорно - интуитивным аспектам? Как долго может продолжаться такое противоборство?

— Всё время, пока они будут взаимодействовать. Тем более, что при определённых обстоятельства это для них и полезно, и взаимовыгодно. Девушка уже сейчас нуждается в интуитивной подсказке относительно своих будущих планов, (а их нужно координировать уже с учётом её возраста). Так что, уже сейчас ей необходима информация по всем интуитивным аспектам, в частности и по аспекту интуиции времени, — который у Гексли находится на позициях наблюдательной функции (+б.и.7), а у Цезаря — на позициях суггестивной (-б.и.5). И этим обстоятельством Гексли тоже пользуется в своих интересах, тактически растягивает время реализации тех или иных задач и ориентирует Цезаря на отсроченные по времени планы и цели, стараясь притормозить этим его активность. (А то уж больно быстро и широко Цезарь шагает по жизни, слишком уверенно и амбициозно ставит себе творческие задачи и цели и слишком быстро добивается всего желаемого, — этому трудно не позавидовать, особенно когда собственные творческие силы растрочены, когда все мыслимые победы и все возможные достижения остались в безвозвратном прошлом.)

С другой стороны, и Гексли тоже может нуждаться в сенсорной поддержке Цезаря по его наблюдательной сенсорике ощущений.)

— А наша героиня хорошо готовит, умеет со вкусом обставить дом...

... — Так что и дочка, и мама могли бы неплохо поладить друг с другом и составить взаимовыгодный альянс, общаясь на оптимальной для этих отношений дистанции.

— То есть, принцип “ты — мне, я — тебе” работает здесь на витальном уровне...

— ... как и всегда в деловых отношениях, — на уровнях ИД — СУПЕРИД, на каналах 5 — 7, 7 — 5. А на ментальном уровне работает принцип “я тебе не мешаю, ты мне не мешай”, который ярче проявляется при взаимодействии экстравертов.

5. Цезарь — Гексли. Взаимодействие по рациональным аспектам

— *А кроме этой интуитивно - сенсорной “полемики”, как они взаимодействуют?*

— По аспекту этики отношений они постараются мирно и дружелюбно сосуществовать, общаясь на оптимальной дистанции. (Ссориться они не захотят, — они уже давно испытали и оценили бойцовские качества друг друга). Одновременно с этим, они подсознательно урегулируют и равновесие по аспекту этики эмоций. У каждого из них этот аспект демонстративный, поэтому, конечно, на первых порах какое - то соперничество будет. Но после разделения “сфер влияния”, никаких “нарушений конвенции” уже не предвидится, — дочка будет “очаровывать” своих друзей, мама — своих. (А иначе они опять вернуться к сенсорно - интуитивному поединку). Так что, по аспекту этики эмоций они выходят на “открытость” отношений, — у каждого будет своя “тусовка”, со всеми вытекающими отсюда возможностями.

По логическим аспектам здесь так же сохраняется некоторое равновесие, — каждый из них сам подтягивает свою мобилизационную функцию до норматива, но в случае необходимости корректирует и действия партнёра. Так мама указывала дочке на противоречивость её желаний, — ей и того хочется, и другого, — а дочка корректировала “странное” мамино поведение на вечеринках, то есть указывала ей на какие - то нелогичности, на несоответствие её поведения с её возрастом, положением и данной ситуацией. Такая взаимная коррекция проходила для них небезболезненно, поскольку здесь они уже взаимодействовали на уровне СУПЕРЭГО, по каналу 4 — 4 по аспекту логики соотношений (±б.л.).

Со своими практическими проблемами наши героини тоже справляются собственными усилиями, — дочка сама себе зарабатывает на жизнь, и на обучение. Сама решает, где ей работать, что ей предпринимать. И как бы ей ни было трудно прийти к определённому решению, к матери она за советом не обращается. А, возможно, и мама, зная упрямство своей дочки, ей уже давно ничего не советует. Но это уже проблема взаимной оценки партнёрами деловых качеств друг друга. По аспекту деловой логики (±ч.л.б) они находятся на равных позициях, и сама ситуация подсказывает, как им поступить. Известно, например, что эта девушка перед поступлением в консерваторию оплачивала трёх преподавателей вокала, и тем не менее, провалила вступительные экзамены. Так что, если её действия по деловой логике (+ч.л.б) и нуждались в некоторой коррекции, маму она достойным консультантом не считала, а поэтому и оградить её от ошибки было некому, — каждый из преподавателей тянул в свою сторону, каждый хотел на ней подзаработать, а она — знай старалась... Впрочем, и это понятно: информацию по 6-й (активационной) функции “деловики” стараются игнорировать, они её не обсуждают друг с другом и особого значения ей не придают. Поскольку особый упор здесь делается на “подстраховку” по мобилизационной функции; от этой подстраховки всё и зависит. В данном случае нелогичность поступка, — одновременное обучение “и тому, и этому”, — обернулось для девушки экономическим убытком и полным крушением её планов. То есть, просчёты по уровню СУПЕРЭГО ударили её по уровню СУПЕРИД...

— *А надо было маму слушать... Или в этой диаде тоже существует проблема “отцов и*

детей”?

— Точнее, — “демократов” (Цезарь) и “аристократов” (Гексли). На этой почве тоже происходит борьба приоритетов. Мама отстаивает свои родительские привилегии, (как, например, право присутствовать на вечеринках её дочери), дочь отстаивает свои личные права и свободы...

— *Чем-то эта ситуация напоминает отношения в предыдущей диаде. Максим тоже настаивал на своих родительских привилегиях и тоже контролировал дочку “как бы чего не вышло”. Это совпадение или есть какая - то закономерность?*

— Это одна из закономерностей, вытекающих из структуры интертипных отношений и лишней раз подтверждающая их стройность и логичность. Максим и Гексли — конфликтёры. А конфликтёры всегда чем - то похожи друг на друга — это свойство обусловлено структурой их модели: аспекты уровня ЭГО одного соответствуют аспектному СУПЕРЭГО другого, (Максим, “застревающий” на проблемах своего СУПЕРЭГО, становится в чём - то похожим на “законфликтованного” Гексли — такой же мнительный, настороженный и щепетильный в вопросах авторитета. Цезарь и Драйзер — “зеркальщики”, их модели являются зеркальным отражением друг друга, и в их поведении тоже много общего. Система интертипных отношений очень стройно и логично структурирована. Все взаимодействующие в соционе психотипы в одно и тоже время могут составлять различные структурные соотношения. Структура интертипных соотношений — это кристаллическая решётка социона. Четыре человека уже могут составить шесть диад с самыми различными механизмами отношений. Из одной только четвёрки — Цезарь, Гексли, Драйзер и Максим — можно составить пару конфликтёров, пару “зеркальщиков”, две пары “деловиков” и две пары “отношений ревизии”. Причём, все эти пары они сами образуют, едва начав взаимодействовать друг с другом. И всё это будут отношения либо средней, либо высокой степени напряжённости...

— *Существуют же и пример;ы успешных деловых отношений в этой диаде...*

— Такие примеры есть. Тем, кто в середине 90-х смотрел ток - шоу “Я сама”, возможно запомнились две “соведущие” этой передачи, два психолога - консультанта: Мария Арбатова (Гексли) и Ольга Сердобова (Цезарь). Одна высказывается как “убеждённая феминистка”, другая заявляет о себе как “убеждённая традиционалистка”. То есть, сферы их взглядов и убеждений жёстко разграничены и вроде как даже не пересекаются, хотя по сути они говорят всё то же самое. Только одна — с позиций своей интуитивной программы, другая — с позиций программы сенсорной... Одна, анализируя ситуацию, лучше угадывает её тенденции, лучше её прогнозирует. Другая — лучше видит “зерно конфликта”, лучше фиксирует противоборство интересов; хотя при этом ссылается на традиционные этические заповеди, (что вполне естественно для этика третьей квадры).

Широко очертив сферу своей компетенции, обе соведущие стараются “принципиально” не противоречить друг другу, и именно поэтому они великолепно сотрудничают и

прекрасно друг друга дополняют...

6. Исторические примеры успешного делового сотрудничества

И конечно, нельзя не упомянуть о самых знаменитых представителях этой диады, о двух выдающихся политических деятелях Древнего мира — Юлии Цезаре (СЭЭ) и царице Египта Клеопатре VII (ИЭЭ).

Известно, что пятидесятидвухлетний Юлий Цезарь, прибыв в Египет в 48 году до н.э., был очарован красотой и умом двадцатилетней царицы Клеопатры, встреча и сближение с которой произошли по их общей инициативе.

Клеопатре в ту пору ей приходилось делить трон и власть в Египте с двумя другими, враждебно настроенными к ней соправителями — своим родным братом, фараоном Птолемеем XIII и сестрой, царицей Арсиной. В водовороте дворцовых интриг, в пучине козней и политических заговоров выстоять в одиночку было бы практически невозможно. Поэтому оперативная поддержка Цезаря и его военное вмешательство во внутренние дела Египта пришлись как нельзя более кстати. При помощи Цезаря Клеопатре удалось совершить дворцовый переворот, в результате которого её политические противники были повержены (брат Птолемей XIII погиб, а сестра Арсиноя была захвачена в плен Юлием Цезарем и впоследствии сослана в Рим, где в числе других пленных участвовала в триумфальном шествии Цезаря.). При поддержке Цезаря Клеопатре удалось стабилизировать политическую ситуацию в стране. А сочетавшись браком со своим младшим братом Птолемеем XIV, она закрепила за собой наследные права на трон и стала полновластной владычицей Египта.

Деловой союз не исключал и романтических отношений Цезаря и Клеопатры. Совместное, предпринятое ими, продолжительное путешествие по Нилу сблизило их ещё больше. Родившийся через год после этого (в 47 году до н.э) первенец Клеопатры Цезарион был признан родным сыном Цезаря и впоследствии стал египетским царём Птолемеем XV.

В силу сложившихся личных отношений, Цезарь не стал превращать Египет в рядовую провинцию Рима, и это обстоятельство позволило Клеопатре рассчитывать на равноправный и взаимовыгодный политический союз Египта с Римом. В лице Цезаря ей виделся будущий завоеватель всех обзримых стран мира — второй Александр Македонский, способный реализовать самые смелые и самые амбициозные её планы, о которых можно было только мечтать. Александр Великий (Македонский) был кумиром Клеопатры и культовой фигурой в Египте. Клеопатра жила и царствовала в Александрии — городе, основанном Великим Александром и построенном в его честь. В Александрии, согласно преданию, был захоронен и сам Александр, восхищение которым Клеопатре прививали с детства, поскольку основателем эллинистической династии царей, к которой принадлежала и она сама, был Птолемей I — ближайший друг и сподвижник Александра Великого. Александр как признанный сын Осириса был обожествлён в Египте, поэтому и сравнивать Цезаря с Александром для Клеопатры означало то же, что и обожествлять его. В лице Юлия Цезаря она нашла и своего кумира, "своего Александра" и безоглядно верила в его могущество, в его силовую и

политический потенциал.

Она мечтала о грандиозных планах будущих политических преобразований в мире, которые мог совершить и претворить в жизнь только такой влиятельный политик и выдающийся стратег как Юлий Цезарь, — присоединивший к Риму огромнейшие территории и пользующийся неограниченным влиянием на всех, завоёванных им землях.

Цезарь многим политическим лидерам помог захватить власть на местах. И он не был бы великим стратегом, если бы не насаждал повсюду "своих людей" и "свою администрацию".

В числе наместников, рассредоточенных по всем, завоёванным им территориям, было много верных и преданных ему людей, заинтересованных в его дальнейшем продвижении к власти. Тот факт, что власть в Риме принадлежит сенаторам и сенату, эти местные лидеры вообще не принимали в расчёт. По их глубокому убеждению, их завоёвывал Цезарь, а не римский сенат. Цезарь привёл войска, Цезарь провёл военную компанию, а сенат здесь не при чём. Кто такой этот "сенат", чтобы присваивать себе права и заслуги Цезаря?! Они покорились Цезарю, а не сенату! И подчинились ему прежде всего потому, что признали его личное превосходство над собой; признали его как отважного воина, талантливое стратега, успешного полководца, мудрого политика, дипломата и администратора. Присягая на верность Риму, они воздавали дань уважения Цезарю. Они отождествляли Рим с Цезарем и не представляли себе более достойного правителя Рима, чем Цезарь. В силу всех этих сложившихся представлений, каждому из них удобней было бы управлять своими поданными и поддерживать в них лояльность Риму только в том случае, если бы единовластным правителем Рима, наделённым всеми полномочиями и правами престолонаследия, стал сам Юлий Цезарь.

В силу этих причин, а так же в силу многих других политических условий и факторов, в Риме сложились объективные предпосылки для воссоздания централизованной, монархической власти, необходимой для преобразования римской республики в империю, первым полновластным правителем которой должен был стать Юлий Цезарь, необозримо расширивший границы Рима. (Популярность Цезаря на всех завоёванных им территориях, равно как и в самом Риме, была чрезвычайно высока, и с этим нельзя было не считаться.)

В 44 году до н.э. Клеопатра вместе со своим четырёхлетним сыном Цезарионом по приглашению Цезаря прибыла в Рим. (Причём, устроила себе торжественный, триумфальный въезд в Рим, как если бы этот город и всю страну Цезарь положил к её ногам. Римляне были потрясены и возмущены этой её амбициозной выходкой — появилась, как полновластная хозяйка, в царственном величии и блеске: "Расступитесь, граждане, египетская царица едет!"). В Риме — этой цитадели демократии — Клеопатре были оказаны такие почести, какие можно было только воздавать глубоко почитаемой, культовой персоне, или обожествляемой императрице. (Так, например, позолоченную статую Клеопатры в образе богини любви и красоты Венеры по распоряжению Цезаря поставили в святилище одного из возведённых им храмов.)

До последних дней своей жизни Цезарь почитал её как великую царицу и любимую жену. (Что противоречило всем допустимым в Риме социальным и нравственным меркам, рассматривалось как покушение на конституционные права римлян и на их моральный кодекс: больше одной законной жены римлянину иметь не полагалось, а у Цезаря их было две. Причём, египетская (варварская, по мнению римлян) царица блеском и красотой затмевала законную жену Цезаря Кальпурнию, и этот факт особенно задевал самолюбие многих римлян (и римлянок) — не каждый мог позволить себе иметь в любовницах египетскую царицу, да ещё и вызывающе хвастать этим перед конституционно равными в правах и возможностях согражданами.).

Экстравагантные выходки Цезаря в купе с нарастающей его популярностью вызвали взрыв возмущения (и приступ зависти) у основных его политических противников — самых ярых защитников демократии. В результате организованного ими покушения, жизнь Цезаря трагически оборвалась 15 марта 44 года до н.э. во время утреннего приёма в сенате. Когда он, как и подобает фактическому правителю Рима, рассматривал прошение первоочередного посетителя, остальные присутствующие здесь участники заговора (среди которых было немало его бывших друзей и сподвижников) окружили его и нанесли ему пронесёнными под одеждой кинжалами множественные ранения, от которых он и скончался.

После смерти Цезаря Клеопатра возвращается в Египет. Тем временем власть в Риме переходит трём триумвирам (членам второго триумvirата) — ближайшим сподвижникам Цезаря: Марку Антонию, Марку Лепиду и внучатому племяннику Цезаря Октавиану Августу. В 36 году второй триумvirат распадается. Октавиан Август присваивает себе чрезвычайные полномочия и титул императора, а Марк Антоний направляется консулом в Египет, где становится ближайшим другом и сподвижником Клеопатры. Вскоре после этого (в том же 36 году) Марк Антоний разводится со своей женой Октавией (сестрой Октавиана) и женится на Клеопатре. Пользуясь предоставленной ему в Египте властью, он становится соправителем Клеопатры и опекуном её сына Цезариона, которого признаёт законнорожденным сыном и наследником Цезаря. Исходя из предоставленных ему в Египте полномочий (и даже превышая их), Марк Антоний щедро одаривает Цезариона и передаёт ему во владение часть завоёванных Цезарем земель: Кипр, Киликию и часть Сирии. Одновременно с этим в Риме оглашается обнаруженный в храме весталок документ, составленный и подписанный Марком Антонием, в котором тот от своего имени объявляет Цезариона наследником Египта, египетский и римский провинций.

Эти действия крайне встревожили нового правителя Рима — императора Октавиана Августа (ЭИЭ, Гамлет), внучатого племянника Цезаря, его политического и духовного преемника, создавшего в Риме посмертный культ Цезаря, и посмертно присвоившего ему облечённый высшей государственной властью и передаваемый по наследству титул императора. (Который был необходим и самому Августу, поскольку в противном случае он не смог бы управлять ни Римом, ни присоединёнными к нему, завоёванными Цезарем провинциями, где признавать могли только власть либо самого Цезаря, либо его прямых наследников.)

После того, как Август (в 36 году до н.э.) объявил себя императором и прямым наследником Цезаря, Клеопатра повела более жёсткую политику в отношении Рима. Не получив возможности установить с Римом политический союз на удобных и выгодных для себя условиях, она попыталась навязать их, действуя с позиции силы. Пользуясь тем, что Египет был основным поставщиком зерна и золота в Риме, Клеопатра устроила Риму экономическую и продовольственную блокаду. Официально ссылаясь на дефицит продовольственных ресурсов, вызванный чередой неурожайных лет, она сократила поставки золота и зерна в Рим, чем и спровоцировала там массовые беспорядки, вследствие которых император Октавиан Август, оказавшийся в крайне затруднительном моральном, политическом и экономическом положении, вынужден был начать войну.

При поддержке Марка Антония Клеопатра (в 30 году до н.э.) выступила против Октавиана Августа. Она лично принимала участие в морских баталиях (в битве у мыса Акции), но в самый решающий момент, поддавшись панике, она покинула сражение и приказала своим кораблям отступить, корабли Марка Антония остались без прикрытия и без поддержки, и победа досталась противнику. Потерпев поражение и, не сумев вынести позора, Марк Антоний покончил жизнь самоубийством. Клеопатра не смогла пережить эту потерю. Не желая становиться трофеем и принимать участие в позорном для неё триумфальном шествии императора (по окончании которого побеждённых правителей полагалось казнить), она сразу же после смерти Марка Антония добровольно ушла из жизни.

Её семнадцатилетнему сыну Цезариону Птолемию XV не удалось избежать насильственной смерти. В том же году (в 30 году до н.э.) он был захвачен и умерщвлён по приказу Октавиана Августа — единственного, признанного Римом наследника Цезаря.

7. Игра по двойным стандартам. Мнимые преимущества и реальные потери

— Каков же вывод?.. Что характерно для деловых отношений представителей этой диады?

— Как видим, первое, что характерно для деловых отношений представителей этой диады, это структурологическая путаница в системных и правовых отношениях, позволяющая им играть по своим правилам (по двойным и тройным... ставкам и стандартам), с таким расчётом, чтобы при любых обстоятельствах оставаться в полном и безусловном выигрыше.

И это связано со многими факторами, обусловленными моделями их ТИМов и наполняющими их психологическими признаками:

- и с тем, что аспект логики соотношений находится у обоих партнёров на позициях проблематичной
- мобилизационной функции и являются вытесненными ценностями;
- и с тем, что оба они активизируются по аспекту деловой логики — то есть,

являются меркантильными прагматиками;

- и с тем, что оба они успешно манипулируют своими партнёрами посредством творческих своих аспектов этики отношений — то есть оба являются эмотивистами;

- и с тем, что оба они являются упрямыми - экстравертами - иррационалами, склонными к авантюре и способными

- смело заявлять о своих притязаниях,
- поверить в себя, в свой творческий и возможностный потенциал,
- навязать это убеждение другим,
- поставить себе амбициозные цели и реализовать их, манипулируя своими и чужими правами и полномочиями.

В приведённом выше примере аналогичным образом поступали оба представителя этой диады. Расширяя своё политическое влияние, Цезарь и Клеопатра часто пользовались политикой двойных стандартов: завышая свои полномочия, экстраполируя внутренние правовые отношения своих стран на международные, а международные — на внутренние, они наряду с реальными политическими правами и статусами присваивали себе мнимые и мнимо - реальные права и статусы.

Создавая удобные для себя политические ниши и пространства, они искажали действующие на ту пору международные права и законодательства, пользуясь многими не учтёнными и не оговорёнными в них моментами и условиями. Заявляя свои права на интересующие их политические пространства, они пользовались системой не скоординированных между собой правовых отношений, а присваивая себе неучтённые полномочия, диктовали свои условия с позиции силы, пользуясь реальными и мнимо - реальными своими привилегиями.

Подменяя личные отношения деловыми и политическими, манипулируя деловыми и правовыми отношениями своих партнёров, присваивая себе новые права, привилегии и полномочия, каждый из них извлекал для себя максимум пользы от всех этих манипуляций, что в свою очередь позволяло им ставить перед собой всё более амбициозные задачи и цели и успешно реализовывать их, расширяя посредством всех этих преобразований сферу своего силового и политического влияния.

— *Но ведь всё это было продиктовано интересами дела, интересами целесообразности...*

— В процессе завоевания Цезарем новых территорий, в интересах закрепления власти Рима на них многие такие действия действительно были оправданы...

— *Хотя многие их оспаривали: ведь это сенат, направлял в провинции легионы! И по распоряжению сената солдатам платили жалование...*

— Жалование солдатам платили мизерное. Воины экипировались за свой счёт. Условия военной службы были очень тяжёлыми: в день проходили более 30 км., спали не более

трёх часов в сутки, один раз в день ели (причём, пища была очень скудная: мучная каша с топлёным салом). При таких условиях успешно воевать (а тем более завоёвывать) было трудно. При том, что противник их был сыт, силен и здоров, и находился на своей территории. Цезарь опекал своих воинов как отец родной: выплачивал жалование им в двойных и тройных размерах, награждал ветеранов из своих личных и из трофейных средств (что с позиций римского права вполне могло считаться злоупотреблением властью и нарушением финансовой дисциплины). Многих солдат Цезарь знал по именам, заботился об их судьбах, об их престиже. Воодушевлял солдат перед боем, многих, поддавшихся панике, лично возвращал в бой, не позволяя им обесчестить себя изменой. Видя, как Цезарь опекает своих солдат, видя каким влиянием и уважением он у них пользуется, вожди завоёванных Цезарем племён могли предполагать, что Цезарь приводит на поля сражений свои, а не кем-то доверенные ему войска. При таких мощных победах и явных заслугах Цезаря они не могли представить его исполнителем чьей-то чужой воли. И, естественно, не в интересах Цезаря было их в этом разубеждать, потому что не может склониться правитель (князь или вождь) пусть даже маленького воинствующего племени; перед каким-то там "слугой народа". Оставляя их в неведении относительно истинных своих правовых полномочий, Цезарь во многих случаях вынужден был блефовать и играть не по правилам. Выбирая между путаницей логической и этической, Цезарь руководствовался интересами здравого смысла, интересами дела (а значит и интересами Рима), интересами личной безопасности и личного превосходства над противником. Заботился о безопасности своих легионов. В том числе и тех, которые он оставлял на местах в поддержку лояльной Риму местной администрации и их племенам. Потому, что невозможно было бы малыми силами удерживать в повиновении огромное количество людей (среди которых было много и амбициозных царственных особ), зная они, что завоёваны каким-то рядовым гражданином какого-то далёкого Рима, в котором власть хоть и представлена сенатом, но принадлежит народу и выражает чаяния всех, уравненных в правах свободных граждан. Устанавливая власть Рима на завоёванных территориях, Цезарь обязан был, как и подобает лидеру, общаться с подчинёнными ему правителями с превосходящих позиций, а потому и вынужден был на свой счёт принимать те подношения и почести, которые те воздавали ему, как победителю (не адресуя их сенату и не переводя на счёт римского народа). Одновременно с этим и ставленник Цезаря не мог (и не имел права) думать, что это сенат и римский народ даёт ему власть над соплеменниками. Он получал эту власть из рук Цезаря и принимал её как царственный дар из царственных рук царственного победителя. Что было для него особенно почётно и важно. И позволяло ему и его потомкам чувствовать себя полноправными правителями на местах, хоть какое-то время служить Риму верой и правдой, сохранять ему лояльность, собирать и отправлять ему дань, удерживая в повиновении соплеменников — и он сам, и сам Цезарь, и Рим извлекли бы из этого соглашения свою пользу и выгоду. А значит в детали социальных и правовых отношений в Риме вдаваться необязательно — важнее захватить и удержать власть на завоёванных территориях, важно было этически закрепить её личными связями и отношениями, коль скоро логически системы власти здесь не состыковываются. Логикой соотношений (-б.л.4) в этой связи можно и пренебречь, или принять её с небольшими погрешностями, о которых можно умалчивать, которыми можно манипулировать или которые можно проигнорировать и опустить. А то, что от таких правовых подтасовок

сам Юлий Цезарь приобретал неограниченное политическое влияние в ключевых стратегических регионах и с этих позиций мог диктовать Риму свою волю — это был уже другой вопрос, и о нём пока можно было умалчивать, но принимать в расчёт и привлекать на свою сторону всех, кому это было выгодно. При наличии неограниченной реальной власти можно было подкорректировать и номинальную. И Юлий Цезарь как программный сенсорик (+ч.с.1), как опытный и стратег понимал это лучше, чем кто бы то ни было: завоёвывая провинции, он завоёвывал Рим, а вместе с ним и весь мир, потому что возможности завоеваний открывались ему безграничные.

— *Но ведь ему так и не удалось реализовать эти планы...*

— "Малая ложь порождает большую" — гласит пословица. Все эти логические погрешности и несостыковки, нарастающие как снежный ком, все эти правовые расхождения Цезаря, усугублённые рискованными действиями Клеопатры привели к такой правовой и политической путанице, что если бы власть в Риме (в 36 году до н.э.) не захватил педантичный и очень чётко ориентирующийся в системных отношениях Октавиан Август (ЭИЭ, Гамлет) — решительный и мудрый политик (несмотря на свой юный возраст), если бы он не присвоил себе чрезвычайные полномочия, если бы не взял власть в свои руки, если бы он не подкрепил её идеологически, обожествив личность Цезаря, если бы он не упорядочил системные отношения иерархически и если бы он не централизовал и не стабилизировал их, то Рим развалился бы ещё в I веке до нашей эры и прекратил своё существование как самостоятельная держава. Рим попросту не смог бы управлять многими своими провинциями, организованными по иерархическому складу и образцу, сам оставаясь при этом (пусть даже высоко цивилизованным и высоко технологичным) демократическим государством. В конечном счёте, это противоречие и привело Древний Рим к разрушению. Потому, что, даже преобразовавшись в империю (и оставаясь ею по форме в III, IV и V веках н.э.), Рим всё равно оставался демократичным по духу. (Если бы демократический Древний Рим в своё время не стал империей, то и зародившееся спустя полвека христианство не распространялось бы так стремительно, не завоёвывало бы широкую популярность, как религия угнетённых страдальцев и великомучеников — прессинг был бы не тот. А значит и вся история мировой цивилизации была бы другой.)

Превратить демократическое государство в империю (да ещё спустя всего пять столетий после того, как там от монархических форм правления категорически отказались) было очень и очень непросто. А особенно для такого юного и ещё очень неопытного государственного деятеля как Октавиан Август (ЭИЭ, Гамлет). Столкнувшись с фактом вероломного предательства и убийства Юлия Цезаря его (Цезаря) ближайшими сподвижниками и друзьями, Октавиан был до такой степени потрясён, что уже почти никому не верил. А в дальнейшем, после предательства и перехода на сторону Клеопатры Марка Антония — его бывшего друга, сподвижника и соправителя, окончательно разуверился в дружбе. Стоял и сражался сам за себя. Обожествив личность Цезаря и подкрепив этим культом свою имперскую власть, Октавиан воевал один против всех. Потому, что нельзя было допустить, чтобы Рим со всей его героической историей и великой цивилизацией был разрушен. Нельзя было допустить, чтобы престолонаследие в Риме делилось между двумя

противоборствующими сторонами. Нельзя было допустить, чтобы у Рима было несколько претендентов на власть, из которых бы каждый, игнорируя закон и порядок, играл только по своим правилам, меняя их по ходу игры для собственной политической пользы.

История Цезаря и Клеопатры очень трагична. В расцвете сил, на пике власти и политического своего могущества, на взлёте своей политической карьеры они потеряли всё и потерпели полное и сокрушительное поражение. Но Рим выжил и устоял. И преобразовался в мощную и могущественную империю, распространившую своё влияние на все страны и континенты, пробудив к действию лучшие интеллектуальные и творческие силы во всём мире. И не последнюю роль в этом позитивном и могущественном влиянии играет основанное в те времена римское право, включающее в себя понятие законного и справедливого правопорядка, усовершенствованное и отточенное веками, актуальное и востребованное и по сей день.

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)